Сын Рима

Эос был кораблём, созданным для скорости. Его корпус был гладким, а алые паруса ловили ветер, как орлиные крылья, и несли его по волнам со скоростью, которая противоречила здравому смыслу. Это был прекрасный день для плавания.

И это был мой первый раз в открытом море. Вкус соли в воздухе был слишком знаком, но вздымающиеся голубые волны, бескрайние пустые горизонты и ровное покачивание палубы под ногами были совершенно новыми ощущениями. У меня были сомнения, когда Грифон предложил, чтобы мы бежали по морю, и в частности на этом корабле, но большинство моих опасений быстро развеялись. Это был захватывающий опыт.

И всё же, здесь не обошлось без осложнений.

— Они будут в ярости, — сказал я, облокотившись на поручень на носу. Впереди бесконечно простиралось Ионическое море, прозрачно-голубое и переливающееся на солнце.

— Да неужели? — спросил Грифон позади меня, и я мог услышать, как он закатил глаза. — А я и не подозревал. Какие ещё глубокие мысли может предложить сын Рима?

Он сложил все гребные скамьи на корабле в причудливое подобие трона и теперь разлёгся на нём, пока весла и благоприятный ветер неуклонно двигали нас вперёд. Я позволил ему эту абсурдную демонстрацию, так как он занимался тяжёлым трудом. Его намерение пневмы выросло вместе с остальной его культивацией, когда он вознёсся, и там, где раньше было десять рук, теперь стало двадцать. Каждая рука чистого намерения опиралась на весла Эоса.

— Больше, чем если бы мы не украли их корабль, — уточнил я, повернувшись к нему и прислонившись спиной к поручню корабля. — Почему ты почувствовал необходимость ударить каждое лицо, какое только попалось нам, по пути к выходу?

Слабые крики морских птиц и шлепки волн о корпус Эоса повисли между нами, пока бывший молодой аристократ Розовой Зари обдумывал свой ответ. Его правая щека покоилась на кулаке, алые глаза сверкали с удовлетворением льва, только что наевшегося досыта. Алые и белые одеяния были сброшены с плеч ещё в начале путешествия, так что они свисали до пояса, оставляя его торс обнажённым. Он выглядел совершенно довольным.

Пока что.

— Скажи мне кое-что, Сол, — сказал он. — Ты знаком с путешествием героев?

— Смутно. — Слабые воспоминания о старике в обветренной Аликонской одежде, и о послеобеденных посиделках в виноградниках, обсуждая всё под солнцем.

— Существует бесконечное количество путей к вершине Олимп Монс, но так уж сложилось в жизни, что по некоторым из них идут чаще других, — объяснил он. — Каждому человеку нравится думать, что он уникален, но слишком часто мы являемся лишь отголосками тех, кто пришёл до нас. Все мы трудимся в божественных рамках. Поэтому есть определённые константы, с которыми любой человек может ожидать столкнуться в своей гонке к божественности.

Грифон лениво поднял свободную руку, поднимая пальцы один за другим: «Узкие места. Отклонения. Испытания».

— Невзгоды, — сказал я. Молния, падающая с чистого голубого неба. Грифон наклонил голову.

— Это в природе Судьб решать наши жизни с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, они знают. Кто из нас будет тираном, а кто – рабом. Вот почему они ненавидят таких людей как ты и я. — Он улыбнулся, что-то злобное было в изгибе его губ. — Они знают, что их единственный выбор – убить нас в колыбели, потому что мы никогда, ни за что не покоримся.

— Чтобы сбросить нити Судьб, человек должен сначала прожить невероятно дерзкую жизнь. Никто не рождается Тираном, и нет коротких путей к вершине горы. Как же тогда люди вообще поднимаются? Судьбы знают о нас всё в момент рождения. Интуитивно, есть только две возможности – Судьбам можно бросить вызов. Или что вознесение – это ложь, и мы все просто танцуем в нашу могилу, пока небеса бьют в барабаны.

Грифон пожал плечами: «Я предпочитаю верить в первое. И раз я в это верю, значит – это правда. До самой смерти моя жизнь принадлежит только мне, и поэтому я всегда буду ненавидим Судьбами. Невзгоды неизбежны. Так зачем от них уклоняться?»

— Так что, вместо этого, — недоверчиво сказал я, — ты принимаешь их с распростёртыми объятиями.

— В конце концов, они – лучшая часть путешествия.

Моё сердце и душа за напарника с разумом.

— Если это так, то в Олимпии мы расстанемся, — решил я. Он положил ладонь на голую грудь, глаза закрылись в притворной обиде. Я фыркнул. — У меня впереди и так достаточно безумия, и я предпочту не добавлять тебя в эту кучу.

— О? Какого рода безумие? Это то, которое воет?

По какой-то причине, в которой я до сих пор не уверен, я рассказал ему историю о моей службе в легионах, пока мы бежали через поля Розовой Зари к докам. Я рассказывал ему, пока мы оснащали корабль его кузена и спускали его на воду, и когда солнце полностью взошло и осветило Ионическое море, я ясно видел голод в его глазах, когда он слушал.

— Да, — решил я.

— И как же один сын Рима собирается разрушить империю демонов? — спросил Грифон с любопытством. — Твои легионы мертвы и рассеяны.

Мои кулаки сжимались и разжимались: «Как вообще любой человек может противостоять империи?»

— И ты называешь меня сумасшедшим. — Грифон усмехнулся. Его руки из намерения панкратиона разом отступили в его душу, и Эос плавно опустился на спокойные волны. — Как Римлянин может надеяться поднять армию Греков против кого-либо, кроме самого себя?

— Легионы Республики были лучшими в мире, — сказал я и, прежде чем он успел сделать умное замечание, продолжил. — Мы побеждали подавляющие числа и людей с абсурдным культивированием как само собой разумеющееся. То, что эти псы изгнали нас из наших

провинций, смыли нас из нашего города и разорвали наши легионы… с меньшими числами? — Я зарычал и сплюнул через борт корабля. — Они псы, но они боевые псы. Они были созданы для этой работы.

— Если им нужен только Рим, тогда ладно. Я взойду на эту ёбаную гору и сам похороню их под морем одной лишь моей силой. Но если они тот тип зверей, о котором я думаю, они не остановятся на одном. Следующими они придут к дверям твоего отца, и тогда мне не придётся собирать армию. Дэймон Этос сделает это за меня.

Так или иначе, я вырву глотку этому капитану и съем его бьющееся сердце.

— Это мой тип плана, — одобрительно сказал Грифон. — Но в твоих рассуждениях есть один недостаток, и как твой кровный брат я не могу не указать на него.

Я усмехнулся: «Мы не братья».

— Никчёмный Римлянин, мы были ими с самого начала. — Он наклонился вперёд, поставив локти на колени. Его пневма пылала. — И как твой брат, это мой долг задавать трудные вопросы. Прежде всего, почему ты думаешь, что эти Карфагенские псы будут представлять угрозу для моего отца? Только потому, что они разгромили твою славную Республику? Ту самую Республику, которая ни разу не осмелилась воевать с нашими свободными городами-государствами?

— После Галлии вы были следующими, — прямо сообщил я ему. Он ухмыльнулся.

— Я уверен, что так оно и было. Но даже если бы я поверил в это, то в твоём плане есть ещё один недостаток.

Я поднял мою пневму, напрягая мышцы, которые не использовались несколько месяцев подряд. Волны вокруг Эоса вздрогнули и запульсировали.

— Просвети меня.

— Ты находишься в заблуждении, — сообщил мне Грифон. — То, что ты можешь сделать что-либо, чтобы сделать будущее менее безумным, менее разрушительным. Мы были отмечены Судьбами с самого начала, и ты уже начал страдать от их внимания. Беги от меня, если хочешь. Это ничего не изменит.

Я хотел ответить, но меня прервал звук бьющихся крыльев. Орлиный крик разорвал воздух, и сам хищник спустился с неба с широко расставленными когтями. Я поднял руку, но какой-то инстинкт сдерживал мою пневму, и он грубо приземлился на моё предплечье. Его когти вонзились в мою плоть и разорвали бы её, если бы не усиление от моего культивирования.

Я уставился, потеряв голос, на орла-посланника из Рима. Он наклонял голову влево и вправо, ожидающе глядя на меня. На его лапе не было свитка.

— Поэты любят говорить, что Эпос не начинается, пока человек не вознесётся в Героическое Царство, — размышлял Грифон. Орёл наклонил голову и резко свистнул на него. — Но правда в том, что ветра дуют уже год. Музы уже наблюдают. Что ещё мы можем сделать, кроме как устроить им представление?

На горизонте показался корабль. Это было лёгкое мелкодонное судно. Его паруса были потрёпаны, а весла яростно били по волнам. Когда оно показалось из-за горизонта, и мы стали так же видны ему, как и оно нам, его курс сразу же изменился.

— Пираты? — прошептал я, глядя, как оно идёт на нас.

— Небеса бьют в барабаны, — сказал Грифон, поднимаясь со своего трона и потягиваясь. — Ты готов танцевать?

Я молча посмотрел на него.

Гравитас.

Грифон рассмеялся, когда добродетель капитана сбросила его с корабля. Орёл на моей руке вскрикнул и взлетел, когда двадцать рук пневмы вцепились в меня и потащили вслед за ним.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3149797